
43 5/41.
Автограф!

В. З. Завитневичъ.

БАНКРОТСТВО НАЧАЛЪ
ГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
и идеалъ
РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦІИ.

КІЕВЪ.
Типографія Акц. О-ва „Петръ Барскій въ Кіевѣ". Крещатикъ, № 40.
1915.

В. З. Завитневичъ.

Достоуважаемому Дмитрію Ивановичу Иловайскому отъ автора

БАНКРОТСТВО НАЧАЛЪ ГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

и идеалъ

РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦІИ.

КІЕВЪ.
Типографія Акц. О-ва „Петръ Барскій въ Кіевѣ“. Крещатикъ, № 40.
1915.

Печатать дозволяется 22 декабря 1914 г.
Ректоръ Академіи *Епископъ Василій.*

Банкротство началъ германской культуры и идеалъ русской цивилизаціи.

Міровая исторія знаетъ не мало такихъ моментовъ, изученіе которыхъ оставляетъ у историка осадокъ какой-то горечи, какой-то тяжелой нравственной боли. Таковы времена всѣхъ этихъ много нашумѣвшихъ въ свое время, пронесшихся грознымъ ураганомъ по землѣ, дикихъ варваровъ, какъ, напримѣръ, Аттила, Чингисханъ, Тамерланъ, вызывавшихъ у современниковъ чувство страха и настоящаго ужаса. И тѣмъ не менѣе дѣянія этихъ и имъ подобныхъ варваровъ блѣднѣютъ предъ тѣмъ, что творится въ наши дни въ культурной Европѣ. Исторія помнитъ легендарный разсказъ о томъ, что арабскій калифъ Омаръ предалъ пламени Александрійскую библіотеку. Но современная наука обнаруживаетъ готовность взять подъ свою защиту этого дикаго человѣка, стараясь снять съ него это тяжкое обвиненіе. Но кто возьметъ подъ защиту германскаго имератора Вильгельма II, который не въ VII, а въ XX вѣкѣ, и не легендарно, а въ дѣйствительности, на глазахъ всего просвѣщеннаго человѣчества, разрушилъ блестящую, вѣками слагавшуюся, Лувенскую библіотеку? Исторія знаетъ, что въ 1453 году турецкій султанъ Магометъ II взялъ столицу Византіи Константинополь, но главную святыню этого города—Святую Софію—пощадилъ, и сдѣлалъ это сознательно. Но какимъ сознаніемъ руководился кайзеръ Вильгельмъ и его приспѣшники, поднимая руку на Реймскій соборъ, это чудо искусства, которымъ въ теченіи стольких вѣковъ любовался весь просвѣщенный міръ? Это маленькое сравненіе наглядно показы-

ваетъ, какая разница между дикарями старыхъ временъ и современными просвѣщенными вандалами. Варвары старыхъ временъ были суровы, жестоки, часто кровожадны; но они были необразованы, и это ихъ невѣжество, естественно, съ одной стороны, съуживало порывы ихъ воображенія, съ другой стороны, ограничивало техническія средства ихъ разрушительной дѣятельности и, вообще, полагало границы тѣмъ формамъ, въ которыхъ проявлялась ихъ ярость. Теперь не то. Плоды высокой многовѣковой культуры, блестящіе успѣхи въ области науки и искусства, открытія въ области пара, электричества, авіаціи,—теперь все это пущено въ ходъ, все это использовано въ интересахъ истребленія людей. И все это особенно ужасно потому, что для многихъ является совершенно неожиданнымъ. Вѣдь еще такъ недавно никто изъ насъ и въ мысли не могъ допустить, что та культура, которою мы восторгались, которою мы гордились, отъ которой мы ожидали всевозможныхъ благъ для человѣчества, что эта именно культура принесетъ намъ такіе страшные плоды, что она подниметъ руку сама на себя. Да, эта истребительная война, особенно та почти невѣроятная жестокость, съ которою ведетъ ее германское племя и отъ которой въ изумленіе приходитъ все остальное человѣчество,—все это для многихъ является большою неожиданностью; но только для многихъ, но не для всѣхъ.

Люди, знакомые съ исторіей, имѣвшіе возможность задумываться надъ тѣми началами, которые положены въ основу современной европейской образованности, уже давно съ тревогою слѣдили за тѣмъ, что творится въ Зап. Европѣ и почти пророчески предвидѣли настоящую катастрофу. Первые слѣды такой тревоги съ широкой, всесторонней критикой началъ европейской образованности, появились у нашихъ идеалистовъ 40-хъ и 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Особенно громко въ этомъ отношеніи раздавался голосъ А. С. Хомякова. Человѣкъ феноменальныхъ дарованій, глубокій

знатокъ не только русской, но и всеобщей исторіи, знакомый съ плодами современной европейской культуры не по книжкамъ только, но и путемъ непосредственнаго знакомства съ Европой, Хомяковъ первый у насъ громко заговорилъ о томъ, что европейская образованность, несмотря на весь свой внѣшній блескъ, страдаетъ однимъ крупнымъ недостаткомъ, именно односторонностью положеннаго въ ея основаніе начала. Эта односторонность, по его убѣжденію, проявилась: въ области теоретической—въ чрезмѣрномъ развитіи формально-разсудочнаго начала (раціонализмъ) на счетъ начала живой вѣры, понимаемой въ смыслѣ полноты силъ духа; въ области практической—въ торжествѣ формально-юридическаго начала надъ началомъ нравственнымъ. Эта двоякая односторонность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи породила: въ сферѣ религіозно-церковной—замѣну идеи вселенской соборности (общественности) идеей римскаго папизма (монархическаго абсолютизма), вызвавшаго крайности протестантства; въ сферѣ соціальной—замѣну христіанскаго начала любви язычески-стихійнымъ началомъ борьбы за существованіе, возведенной въ законъ жизни. Все это вмѣстѣ взятое, при необыкновенномъ успѣхѣ матеріальной культуры, повело къ тому, что европейское просвѣщеніе, такъ сказать, *овеществилось;* овеществилось не въ томъ смыслѣ, чтобы тамъ интересы духа совершенно изсякли, а въ томъ смыслѣ, что интересы вещественные взяли перевѣсъ надъ интересами духовными. И въ самомъ дѣлѣ, если бы надъ всей Зап. Европой воздвигнуть одну общую крышу и на ней выставить одну общую вывѣску, то самою подходящею на ней надписью было бы: банки, мастерскія, фабрики, заводы. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ современный европейскій человѣкъ достигъ изумительныхъ успѣховъ. Особенно велики его успѣхи въ области положительной науки, доставившей ему возможность побѣждать законы природы. И если бы древній грекъ, гордый своими успѣхами въ

области философіи и искусства, могъ воскреснуть и взглянуть на то, чего достигло и еще собирается достигнуть въ будущемъ наша культура при помощи своей положительной науки, то онъ ни на одну минуту не усумнился бы отвести современному человѣку одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ на своемъ священномъ Олимпѣ.—Но открывъ тайну побѣждать физическую природу, владѣетъ-ли современный европеецъ такой же тайной укрощать человѣческій духъ съ его бурными эгоистическими порывами, въ которыхъ интересы человѣческаго блага встрѣчаютъ не менѣе опаснаго врага, чѣмъ самыя грозныя явленія физической природы?

Вопросъ этотъ, уже давно останавливающій на себѣ вниманіе людей вдумчивыхъ, въ послѣднее время сталъ принимать особенно острый характеръ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ я по этому вопросу двадцать лѣтъ тому назадъ. „Предъ нами,—говорилъ я тогда,—«народъ мыслителей», давшій человѣчеству Канта и Гегеля, Александра Гумбольдта и Нибура, Шиллера, Гете и Бетховена и массу другихъ славныхъ дѣятелей, имена которыхъ всегда съ благоговѣніемъ будутъ вспоминаться потомствомъ. Взгляните же, чѣмъ теперь занятъ этотъ народъ, куда направлены его мысли и чувства, на что тратитъ онъ свои духовныя силы и матеріальныя средства? Оказывается, что «народъ мыслителей» почти тѣмъ только и занятъ, что льетъ пушки, куетъ мечи, приготовляетъ бездымный порохъ, мучится надъ изобрѣтеніемъ непроницаемой брони для себя и всепроницающихъ средствъ разрушенія для другихъ, отъ времени до времени оглашаетъ воздухъ бранными кликами, словомъ, душею и тѣломъ преданъ дѣлу, имѣющему цѣлью истребленіе людей. Если вы серьезно мыслящій человѣкъ, если въ вашей душѣ есть хоть капля христіанскаго идеализма, вы съ грустью отвернетесь отъ этихъ полуодичавшихъ людей, обнаруживающихъ слѣды несомнѣннаго нравственнаго оскудѣнія и, ради удовлетворенія своихъ эгоистическихъ стрем-

леній, готовыхъ залить кровью всю Европу“. Эти строки, писанныя двадцать лѣтъ тому назадъ, какъ показываетъ современная дѣйствительность, оказались почти пророческимъ предсказаніемъ; теперь не на словахъ, а на дѣлѣ видимъ, что Европа дѣйствительно залита человѣческою кровью. Какъ же это случилось? Какъ могло случиться, что столь блестящая культура дала столь отрицательные плоды?

Сложныя историческія явленія вызываются сложными причинами, учесть которыя не всегда бываетъ легко. Но ближайшія историческія обстоятельства, породившія современный милитаризмъ, хорошо извѣстны: онѣ у всѣхъ на глазахъ. Новѣйшая европейская исторія, какъ извѣстно, выдвинула идею народности, которой суждено было играть не послѣднюю роль въ жизни европейскихъ народовъ. Подъ воздѣйствіемъ этой идеи въ Европѣ совершилось многое: объединилась Италія, создалась могущественная Германія, призваны къ новой жизни славянскія народности Балканскаго полуострова и т. п. Какъ культурное начало жизни, идея народности сама по себѣ—идея мирная и при разумномъ примѣненіи ея къ жизни она можетъ дать только положительные результаты; но при злоупотребленіи ею она можетъ принести и много вреда. Дѣло въ томъ, что идея народности требуетъ объединенія въ одно органическое цѣлое разрозненныхъ частей одного этнографическаго цѣлаго; если это объединеніе совершается свободно и не сопровождается насиліемъ одной народности надъ другой, то оно способствуетъ созданію той народной мощи, которая въ результатѣ всегда обусловливаетъ силу народнаго организма со всѣми ея благими послѣдствіями не только матеріальными, но и духовными. Къ сожалѣнію, при объединеніи народностей германскаго племени это благоразумное уваженіе къ свободѣ не было соблюдено, и допущенный въ объединительномъ процессѣ актъ грубаго насилія не замедлилъ принести свои отрицательные результаты. Имѣю въ виду фактъ насиль-

ственнаго захвата Пруссіей у Франціи Эльзаса и Лотарингіи. Хотя Эльзасъ и Лотарингія по этнографическому характеру своего населенія—провинціи нѣмецкія, но онѣ въ теченіе долгаго періода совмѣстной жизни съ Франціей успѣли настолько объединиться съ нею, что присоединеніе ихъ къ Германской Имперіи оказалось двойнымъ насиліемъ: насиліемъ надъ присоединяемыми провинціями и насиліемъ надъ Франціей, у государственнаго тѣла которой насильственно отнимались его живыя части. Неизбѣжнымъ результатомъ этого насильственнаго акта явились: во Франціи идея „реванша", въ Германіи— мысль о „предупредительной войнѣ". Боясь возмездія и желая его предупредить, Германія усиленно стала готовиться къ новому разгрому Франціи, превратившись такимъ образомъ въ настоящее разбойничье гнѣздо, неизбѣжно вызывавшее тревожныя опасенія и у всѣхъ сосѣдей. Вотъ ближайшій источникъ современнаго милитаризма: всѣ боялись, а потому всѣ готовились. Обычная въ жизни странъ и народовъ экономическая борьба усиливала дѣйствіе этой главной причины: это было масло, подливаемое въ огонь. Но какъ могло случиться, что старая умудренная опытомъ Европа, понимавшая всѣ ужасы возможной общеевропейской войны, не нашла средствъ къ ея устраненію? Полагаю, что для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо отъ ближайшей причины современнаго милитаризма обратиться въ глубь исторіи, къ его коренному источнику. Этотъ коренной первоисточникъ лежитъ въ специфическихъ особенностяхъ германской народной стихіи, въ томъ жизненномъ началѣ, которое, выступая въ яркомъ очертаніи уже въ колыбели германскаго племени, налагаетъ свою особую печать на всю дальнѣйшую его исторію. Что же это за начало?

При рѣшеніи этого, какъ и всѣхъ подобныхъ общихъ вопросовъ, въ виду сложности жизненныхъ явленій, легко запутаться и случайное принять за существенное. Но есть одно вѣрное средство избѣгнуть въ подобныхъ случаяхъ

ошибки: господствующее начало жизни всегда даетъ себя знать въ томъ конечномъ идеалѣ, къ которому стремится народъ. Пресловутая восточная лѣнь и апатія къ дѣятельности нашли свое выраженіе въ ученіи о буддійской нирванѣ; азіатская чувственность нашла свое выраженіе въ ученіи о магометанскомъ раѣ; христіанскій идеализмъ нашелъ свое выраженіе въ ученіи о вѣчномъ нравственномъ совершенствованіи въ загробномъ мірѣ и т. п. Въ чемъ же заключается конечный идеалъ германскаго народа, которому принадлежитъ доминирующая роль въ исторіи европейской цивилизаціи? Онъ нашелъ свое выраженіе въ ученіи о ***Валгаллѣ.*** Валгалла—это чертоги бога Одина, куда стекаются души героевъ послѣ смерти. Каждое утро выѣзжаютъ они въ сопровожденіи Одина на бой, дѣлятся на партіи и рубятъ другъ друга, сколько хватитъ силъ. Къ вечеру отрубленныя части сростаются, раны заживаютъ съ тѣмъ, чтобы назавтра опять можно было заняться тѣмъ же упражненіемъ. Всякая борьба всегда ведется съ какою-нибудь опредѣленною цѣлью; даже хищные звѣри терзаютъ другъ друга, чтобы утолить голодъ. Какую же цѣль преслѣдуютъ герои Валгаллы? Никакой другой—кромѣ самой рѣзни, въ которой содержится весь смыслъ жизни, все ея блаженство. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ профессіональными разбойниками, съ истинными головорѣзами, которымъ на человѣческомъ языкѣ даже трудно придумать настоящее названіе. Нужно помнить, что ученіе о Валгаллѣ находится въ тѣсной связи съ общими воззрѣніями германской миѳологіи, какъ по крайней мѣрѣ она отразилась въ Эддѣ. Міръ, по этому воззрѣнію, созданъ изъ трупа и крови великана Импера, котораго убилъ Одинъ съ 12 Азами. Затѣмъ, по сигналу Одина, началась борьба съ гигантами, которая служитъ прелюдіей къ настоящей борьбѣ, имѣющей наступить при концѣ міра: тогда разрушатся всѣ основы мірозданія, выступятъ на борьбу всѣ силы природы, въ частности холодъ и огонь вышлютъ своихъ враждебныхъ

другъ другу демоновъ, и наступитъ послѣдняя борьба, въ которой погибнетъ весь міръ, погибнутъ люди, боги и самъ Одинъ. Небо въ каждой миѳологіи есть, говорятъ, отраженіе земли. Если когда, то, именно, въ данномъ случаѣ эта истина имѣетъ свое полное примѣненіе. Вспомнимъ похожденія норманновъ, ужасы которыхъ потребовали отъ Церкви сочиненія особой молитвы объ избавленіи отъ нихъ; вспомнимъ неистовства берсеркеровъ, приходившихъ въ опьяненіе при видѣ трупа и крови, и поймемъ, въ какой полной гармоніи небо Германіи находилось съ землею. „Какой ты вѣры"? спросили одного норманна. „Я вѣрую—отвѣтилъ онъ—только своему оружію, своей силѣ, своей храбрости". Вотъ первый и основной членъ символа вѣры истиннаго германца.

Это начало борьбы, или вѣрнѣе—рѣзни, ярко отмѣченное въ жизни германцевъ въ самомъ началѣ выступленія ихъ на историческую арену, потомъ красною нитью проходитъ чрезъ всю ихъ исторію, то смягчаясь подъ воздѣйствіемъ христіанской культуры, то опять пробиваясь наружу во всей своей наготѣ. Въ этомъ отношеніи особенно кстати вспомнить эпоху такъ называемаго кулачнаго права, когда буйные рыцари превратили свои замки въ настоящіе разбойничьи притоны, нагло насмѣхаясь надъ всякимъ правомъ, надъ всякою законностью. Любопытно то, что когда даже Церковь, этотъ институтъ по природѣ нравственный, задумала вступить въ борьбу съ этимъ зломъ, то она выдвинула такъ называемую „Святую Фему", символомъ которой служили кинжалъ и веревка. При наличности такихъ фактовъ,—а ихъ освѣдомленный историкъ могъ бы представить цѣлую массу,—уже не трудно понять, какимъ образомъ на Западѣ, гдѣ германской народной стихіи, какъ сказано было, принадлежитъ доминирующее значеніе, выдвинутое І. Христомъ начало любви было попрано и подмѣнено началомъ борьбы, возведенной тамъ въ законъ жизни. И когда въ наши дни императоръ Вильгельмъ въ своемъ

ораторскомъ словоизліяніи говорилъ о „своемъ старомъ союзникѣ Богѣ“, то, очевидно, онъ имѣлъ въ виду не христіанскаго Бога, Бога любви и мира, повелѣвшаго вложить мечъ въ ножны, а стараго германскаго бога Одина, бога брани и рѣзни, воскресшаго нынѣ съ своими Азами, предвѣстниками нынѣшнихъ германскихъ юнкеровъ.

Примѣсь крови кельтской, романской, славянской и литовской, несомнѣнная даровитость самаго германскаго племени, особенно мощно выступившая въ германской философіи, могущественное воздѣйствіе христіанства, все это вмѣстѣ взятое долго боролось съ отрицательными сторонами чисто германской національной стихіи. Но въ позднѣйшее время, подъ вліяніемъ сложившихся обстоятельствъ, эта стихія восторжествовала, проникла даже въ область чистой мысли и знанія и отравила ее. Послѣднее обстоятельство совершилось тѣмъ легче, что германская мысль, какъ свидѣтельствуетъ исторія европейской науки, всегда отличалась односторонностью; ей всегда недоставало того, что можно назвать *чутьемъ дѣйствительности*. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно наблюденіе, произведенное нашимъ соотечественникомъ, извѣстнымъ Н. Я. Данилевскимъ, въ его замѣчательной книгѣ „Россія и Европа“. Этотъ ученый задался цѣлью прослѣдить, какое вліяніе на развитіе науки оказали національныя особенности психическаго строя тѣхъ ученыхъ, которые участвовали въ ея разработкѣ. Сообразно съ своей задачей, онъ намѣчаетъ слѣдующія четыре стадіи въ процессѣ разработки естественныхъ наукъ, составляющія ступени, посредствомъ которыхъ каждая наука восходитъ на слѣдующую высшую ступень развитія: 1) сведеніе накопившихся фактовъ въ *искусственную* систему, то есть объединеніе ихъ на основаніи какого-нибудь искусственнаго, слѣдовательно ложнаго, начала, 2) возведеніе науки на степень системы *естественной*, отвѣчающей дѣйствительной природѣ вещей, 3) откры-

тіе *частныхъ* эмпирическихъ законовъ, и 4) открытіе *общаго* раціональнаго закона. Не трудно понять, что пока наука находится на степени системы искусственной, она вращается въ „ложномъ кругу", и ея истинно научное движеніе впередъ невозможно; но когда эта трудная ступень пройдетъ, то возведеніе ея на слѣдующія высшія ступени сравнительно уже не трудно. И что же оказывается? Оказывается, что нѣмцы, давшіе огромный процентъ работниковъ въ области науки вообще, *„ни одной науки не ввели въ періодъ естественной системы",* и въ то же время были „главными участниками въ искусственной систематизаціи знаній" и это потому, что умозрительный умъ нѣмца, говорилъ Данилевскій, съ трудомъ обходится безъ предвзятой идеи; всякую науку онъ старается „втиснуть въ свои логическія категоріи, въ рамку какого-либо діалектически развиваемаго, якобы насквозь проницающаго, начала". Когда ученый другой національности, французъ или англичанинъ, поставитъ науку на правильную дорогу, нѣмецъ, благодаря своему трудолюбію и настойчивости, двигается по этой дорогѣ съ блестящимъ успѣхомъ; но стоитъ только разъ ему сбиться съ дороги, онъ, какъ истинный раціоналистъ, отдавшись игрѣ своей діалектики, назадъ не вернется, а, слѣдуя предвзятой излюбленной тенденціи, дойдетъ въ разъ принятомъ направленіи до конца, не догадываясь, что онъ идетъ по ложному пути. Извѣстно, что Гегель, этотъ типичнѣйшій выразитель нѣмецкаго философскаго ума, только тогда, когда довелъ свою грандіозную систему до конца, почувствовалъ, что этой системѣ „чего-то недостаетъ", но самъ такъ и не догадался, что ей недостаетъ одной маленькой вещи--соотвѣтствія реальной дѣйствительности, что его система—это зданіе безъ фундамента.

Но самымъ блестящимъ показателемъ того, какъ германская мысль становится жертвою научной тенденціозности, можетъ служить недавняя декларація нѣмецкихъ ученыхъ,

выступившихъ на защиту мысли, что германская де культура для своего поддержанія нуждается въ германскомъ милитаризмѣ. Какъ въ самомъ дѣлѣ могло случиться, что люди, несомнѣнно ученые, прекрасно знающіе, что все, что есть истинно цѣннаго въ германской наукѣ, въ германской культурѣ, берется на расхватъ людьми другихъ національностей, какъ они могли серьезно говорить о томъ, что ихъ наука, ихъ культура нуждаются въ поддержаніи огнемъ и мечомъ и что безъ поддержки насиліемъ эта культура погибнетъ? Полагаемъ, что для всякаго вдумчиваго, образованнаго человѣка до очевидности ясно, что такая нелѣпая мысль въ головахъ истинно ученыхъ людей могла явиться только плодомъ старой нѣмецкой тенденціи доказать, что германскій народъ—народъ исключительный, народъ избранный, что онъ призывается исторіей сказать человѣчеству послѣднее слово абсолютной истины, и что поэтому его велѣнія должны стать закономъ для всего міра, хотя бы для достиженія этого пришлось поднять изъ могилъ старыхъ вандаловъ. Когда несомнѣнно ученый нѣмецъ невѣжественно утверждаетъ, что Рафаэль, Шекспиръ, Коперникъ, Ньютонъ были нѣмцы, то вы чувствуете, что это онъ дѣлаетъ потому, что по его убѣжденію все великое можетъ быть только нѣмецкимъ. Нужно помнить, что этотъ зазнавшійся національный эгоизмъ, этотъ болѣзненный эгоцентризмъ, идутъ рука объ руку съ аморализмомъ новѣйшей нѣмецкой теоріи права, забросившей принципъ свободы воли и выдвинувшей въ новѣйшей реалистической школѣ начало пользы, начало корысти, наживы. Но едва-ли не самымъ блестящимъ выразителемъ нѣмецкой ученой тенденціозной прямолинейности и аморализма служитъ новѣйшій философъ Фридрихъ Ницше, надѣлавшій столько шуму своей философіей морали. Направляя рѣчь противъ идеи христіанскаго состраданія къ ближнему, Ницше съ истинно нѣмецкой послѣдовательностью заявляетъ, что мораль состраданія есть плодъ физіологическаго ста-

рѣнія, измельчанія и общаго вырожденія человѣчества, что то, что на обычномъ языкѣ называется добродѣтелью, въ сущности есть подлая „трусость", „жалкая дряблость", „бабья мораль", что люди, которыхъ принято называть безнравственными, преступниками, злодѣями и т. п., не должны быть приносимы въ жертву обычному понятію о нравственности и что самое понятіе о чистой и нечистой совѣсти должно быть изгнано со свѣта. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ народной психологіей, тому не трудно понять, что такіе фрукты, какъ Ницше, не растутъ одиноко въ пустынѣ, прямо изъ песка, что у нихъ есть свой стволъ, свои корни, что они въ частности выросли на томъ же деревѣ, на которомъ выросли и проповѣдники военной морали, гласящей: „плѣнныхъ не берите, врага не щадите" и т. д. Это, очевидно, ягоды одного поля; всѣ они сродни героямъ Валгаллы, всѣ они поклонники одного бога Одина. Развѣ отъ людей такого нравственнаго склада можно ожидать иного отношенія къ другимъ людямъ, чѣмъ то, какое проявили нѣмцы въ этой войнѣ! Но проявленный теперь ими полный аморализмъ никоимъ образомъ не можетъ быть признанъ плодомъ обще-европейской христіанской культуры. Объ этомъ свидѣтельствуетъ единодушный протестъ противъ поведенія нѣмцевъ всѣхъ другихъ народностей Европы. Наброшенная подъ воздѣйствіемъ христіанства и національныхъ культуръ тонкая пелена альтруизма при благопріятно сложившихся обстоятельствахъ быстро слетѣла съ германца и обнажила полуизгнившій трупъ стараго берсеркера, который и сталъ заражать своими міазмами нравственную атмосферу Европы. И легко представить себѣ, чего могло бы ожидать человѣчество, если бы германцамъ удалось утвердиться въ той міровой роли, какую они въ послѣднее время стараются играть на земномъ шарѣ. Но пути Промысла Божія неисповѣдимы. Временный успѣхъ въ Европѣ германской народной стихіи допущенъ былъ, повидимому,

для того, чтобы во всей полнотѣ обнажилась ея отрицательная сторона. Во всякомъ случаѣ уже со всѣхъ сторонъ слышатся голоса, выражающіе вѣру въ паденіе германизма и въ наступленіе новой эры. А вмѣстѣ съ этимъ взоры многихъ въ Европѣ обращаются на Россію, какъ бы въ подтвержденіе стараго афоризма: „свѣтъ съ востока". Вѣроятно всѣмъ памятны слова извѣстнаго французскаго общественнаго дѣятеля Клемансо, еще недавно указавшаго на Россію, какъ на страну, гдѣ хранятся „непочатыя залежи идеализма, открывающія для человѣчества необъятныя перспективы". Въ этихъ словахъ Клемансо слышатся какъ бы отзвуки того, что въ свое время высказалъ въ характеристикѣ Тургенева и Мицкевича знаменитый Ренанъ. Какъ бы комментируя наше народное вѣрованіе, что могучая богатырская сила зрѣетъ въ долгомъ бездѣйствіи, и что геній „почти всегда есть результатъ долгаго предшествующаго сна", онъ признаетъ славянъ людьми „полными первобытныхъ соковъ", которые „въ одно время и новы въ жизни, и древни по своему существованію", и „появленіе которыхъ на первомъ планѣ міра составляетъ самое неожиданное явленіе нашего вѣка". Ренанъ, затѣмъ, вѣритъ, что будущее откроетъ рядъ неожиданностей, хранящихся въ этомъ, какъ онъ выражается, „изумительномъ славянскомъ духѣ съ его пламенною вѣрою, съ его глубокою проницательностію, съ его особымъ понятіемъ жизни и смерти, съ его потребностью мученичества, съ его жаждою идеализма, съ его упорнымъ оптимизмомъ, съ непоколебимою вѣрою въ будущее человѣчества". Можно было бы привести аналогичныя заявленія и другихъ иноземныхъ наблюдателей, напримѣръ англичанъ. Что русскій народъ проникнутъ идеализмомъ, что онъ вѣритъ въ будущее—это едвали нужно доказывать. Загляните въ любой сборникъ стихотвореній нашихъ новѣйшихъ поэтовъ со временъ Пушкина и вы увидите, что почти вся наша поэзія подернута, если можно

такъ выразиться, какой-то своеобразной дымкой меланхоліи, неумолкаемой тоской по идеалѣ съ неизбѣжной, конечно, вѣрой въ осуществленіе этого идеала въ будущемъ. Какъ развился въ душѣ русскаго человѣка этотъ высокій идеализмъ съ его развѣтвленіями, для историка это совершенно понятно. Вынужденный отъ самой колыбели своей больше страдать, чѣмъ наслаждаться, русскій народъ, съ одной стороны, на собственнчхъ страданіяхъ научился понимать страданія другихъ людей и сочувствовать имъ; съ другой стороны, изнемогая подъ гнетомъ горькой дѣйствительности, онъ привыкъ въ этомъ горестномъ положеніи своемъ искать утѣшенія въ вѣрѣ въ другую лучшую жизнь, гдѣ живетъ одна правда, гдѣ царствуетъ одна любовь. Здѣсь источникъ его упорнаго оптимизма при печальной дѣйствительности, его своеобразнаго взгляда на жизнь и смерть, его высокаго идеализма, его горячей вѣры въ лучшее будущее. Эти качества души русскаго человѣка намъ самимъ не бросаются въ глаза просто потому, что они для насъ составляютъ зауряднoе явленіе; потому, что они наши. Но иностранцевъ, безпристрастно наблюдающихъ бытъ нашего народа, они приводятъ прямо въ удивленіе. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманія признаніе извѣстнаго англичанина Вильяма Пальмера, посѣтившаго Россію въ половинѣ прошлаго столѣтія. „Я—искренно сознается онъ—былъ очень удивленъ въ первое время моего пребыванія въ Россіи, насколько значительнѣе народный характеръ (здѣсь) носитъ отпечатокъ смиренія, братской доброжелательности, теплаго чувства и почитанія къ святымъ вещамъ и вѣрѣ, чѣмъ у насъ въ Англіи. Я зналъ и прежде, что насъ справедливо обличаютъ въ гордости и эгоизмѣ, но раньше, чѣмъ я увидѣлъ здѣсь противоположное, я не имѣлъ представленія о степени зла“. И такъ, ***смиреніе, братская доброжелательность, теплое чувство, почтительное отношеніе къ святынѣ вѣры***—вотъ тѣ качества, которыя съ удивленіемъ открылъ

въ душѣ русскаго народа вице-президентъ коллегіи Маріи Магдалины въ Оксфордѣ, этотъ сынъ гордаго Альбіона. Смѣю думать, что мы, русскіе люди, отъ этихъ своихъ качествъ не станемъ отрекаться, не станемъ за нихъ краснѣть. Они составляютъ коренное свойство нашего славянскаго духа, мы носимъ ихъ въ своей душѣ отъ самой своей колыбели, они составляютъ характерную особенность русскаго народа уже въ самый первый моментъ выступленія его на историческую арену. Древнѣйшіе иноземные лѣтописцы, знающіе нашихъ предковъ подъ ихъ собственнымъ именемъ, единогласно, какъ бы сговорившись, отмѣчая внѣшнее дородство и физическую силу славянъ, подчеркиваютъ ту мысль, что это были люди мирные, кроткіе, добродушные, благожелательные. По словамъ Прокопія, у славянъ не было „ни зложелательства, ни коварства"; императоръ Маврикій и Гельмгольдъ особенно отмѣчаютъ ихъ благосклонное и гостепріимное отношеніе къ чужестранцамъ; Гельмгольдъ свидѣтельствуетъ, что у нихъ не встрѣчалось „ни бѣдныхъ, ни нищихъ" и что они отличались особенно сердечнымъ отношеніемъ къ роднымъ. Тѣ же лѣтописцы свидѣтельствуютъ объ ихъ добродушномъ отношеніи къ плѣннымъ и рабамъ. Что же касается ихъ отношенія къ войнѣ, то въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующій фактъ, передаваемый у писателя VII вѣка Ѳеофилакта Симокаты: „когда императоръ Маврикій, говоритъ онъ, отправлялся во Ѳракію готовиться къ войнѣ съ Аварами, спутниками императора задержаны были три человѣка, не вооруженные ни мечами, ни другимъ оружіемъ, но только носящіе киѳары". Въ отвѣтъ на предложенные имъ вопросы они, между прочимъ, сказали, что они славяне, что жилища ихъ у Западнаго океана, что „они потому носятъ киѳару, что не умѣютъ обращаться съ оружіемъ, ибо въ землѣ ихъ нѣтъ желѣза". Допустимъ, что это легенда; но уже одно то обстоятельство, что эта легенда сложилась относительно

славянъ, при наличіи других вышеприведенныхъ свидѣтельствъ, показываетъ, что война не была профессіей славянина.

Но особенно выпукло эта сторона народнаго характера выступаетъ въ нашемъ былинномъ эпосѣ. Любимѣйшій народный богатырь Илья Муромецъ, этотъ типичнѣйшій выразитель русскаго народнаго духа, отправляясь въ богатырскую поѣздку, проситъ у батюшки своего родительскаго благословенія, и отецъ напутствуетъ его слѣдующими словами:

Я на добрыя дѣла благословенье дамъ,
А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христьянина.

Другой русскій богатырь, Добрыня Никитичъ, сѣтуетъ на свою матушку за то, что она, родивши его, не спустила въ сине море:

Я бы вѣкъ, Добрыня, въ морѣ лежалъ,
Я не ѣздилъ бы, Добрыня, по чисту полю,
Не убивалъ бы, Добрыня, не повинныхъ душъ,
Не пролилъ бы крови я напрасныя,
Не слезилъ бы, Добрыня, отцевъ, матерей,
Не вдовилъ бы, Добрыня, молодыхъ женъ,
Не пускалъ бы сиротъ-малыхъ дѣтушекъ.

Вотъ какъ разсуждаютъ русскіе богатыри; а вѣдь это люди, такъ сказать, по самой профессіи своей военные, ибо задача ихъ оберегать русскую землю отъ враговъ. Историческія обстоятельства заставляютъ ихъ браться за оружіе; но они дѣлаютъ это не охотно, ибо идеалъ ихъ не здѣсь:

А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу;
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиковъ напою.

Вотъ о чемъ мечтаетъ русскій богатырь Никула Селяниновичъ. И это понятно: по своему внутреннему складу онъ прежде всего „мужикъ-деревенщина“, т. е. онъ—мирный труженикъ земли; около этой его дѣятельности вращаются всѣ его мечтанія, всѣ его идеалы. Упражненія героевъ Валгаллы для него такъ же противны, какъ противна всякому мирному человѣку профессія разбойника. Само собою понятно, что и для обитателей Валгаллы стремленія и помыслы русскихъ богатырей должны были казаться по меньшей мѣрѣ недостойной истиннаго героя сантиментальностью. Разныя птицы—разныя пѣсни.

Представленный типъ русскаго богатыря никоимъ образомъ не долженъ быть разсматриваемъ какъ позднѣйшая идеализація реальной дѣйствительности. Это есть несомнѣнно вѣрное отраженіе этой дѣйствительности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно заглянуть въ наши древніе могильные курганы языческой эпохи и сравнить ихъ съ такими же германскими курганами. Оказывается, что въ то время какъ германскіе курганы переполнены оружіемъ, въ нашихъ курганахъ оно почти совершенно отсутствуетъ. Германцу клали оружіе потому, что онъ мечталъ воспользоваться имъ въ загробной жизни, въ чертогахъ Одина, въ Валгаллѣ. Но трудно представить себѣ, какое примѣненіе оружія могъ бы сдѣлать на томъ свѣтѣ русскій витязь съ его своеобразнымъ взглядомъ на жизнь и смерть, съ его идеалами, заставлявшими мечтать подъ конецъ жизни объ искупленіи грѣховъ путемъ паломничества въ святыя мѣста, а то и о постриженіи въ схиму.

Такой же рѣзкій контрастъ получается при сравненіи женскихъ типовъ, созданныхъ древнѣйшей литературой. Сравнимъ, напримѣръ, выступающій въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ образъ княгини Ярославны—мягкой, нѣжной, сердечной, горько оплакивающей своего возлюбленнаго Ладу,—съ образомъ „варяжской жены“ язычницы Ольги—сухой,

злой, коварной норманнки, жестоко мстящей Древлянамъ за смерть князя Игоря, и въ этомъ отношенiи много напоминающей своихъ сестеръ по нацiональности —Брунегильду и Кримгильду, этихъ героинь „Пѣсни о Нибелунгахъ". Опять: иныя птицы—иныя пѣсни.

Представленныя качества души русскаго народа, ярко окрашенныя началомъ альтруизма, исторически развиваясь подъ воздѣйствiемъ христiанства, естественно должны были создать свой особый народный идеалъ. И этотъ идеалъ дѣйствительно созданъ русскимъ народомъ; онъ нашелъ свое выраженiе въ одномъ словѣ: „Святая Русь". Само собою разумѣется, что русскiй народъ назвалъ себя ***Святою Русью*** не въ смыслѣ безгрѣшности своихъ членовъ. При наличности той скромности, того „смиренiя", которое бросается въ глаза даже иноземцамъ, нашъ народъ не могъ дойти до такого самообольщенiя; ***святою*** Русь назвала себя въ смыслѣ святости того идеала, который лелѣетъ въ своей душѣ русскiй народъ и хранителемъ котораго, по его представленiю, является Православная Церковь. Сущность этого идеала русскiй народъ всегда видѣлъ въ смиренномъ подчиненiи грѣховной воли человѣка святѣйшей волѣ Божiей; а свое понятiе о Богѣ онъ выразилъ въ одномъ словѣ: ***Богъ есть любовь.*** Полагаю, что совершенно излишне было бы разъяснять ту элементарную истину, что въ душѣ цѣлаго народа, какъ и въ душѣ отдѣльной личности, бываютъ приливы и отливы; бываетъ просвѣтлѣнiе и потускнѣнiе идеала, что вообще идеалы всегда выше дѣйствительности. Рѣчь идетъ не объ историческихъ случайностяхъ, а о томъ преобладающемъ настроенiи народа, которымъ характеризуется его общiй этнографическiй обликъ, благодаря которому народъ выступаетъ какъ особый культурно-историческiй типъ, которымъ и опредѣляется его мѣсто въ мiровой исторiи, или что то же— его историческое призванiе.

Наша исторія свидѣтельствуетъ, что подъ вліяніемъ неблагопріятно слагавшихся обстоятельствъ, особенно подъ воздѣйствіемъ иноязычныхъ вліяній, на поверхности русскаго народнаго организма появлялись налеты, по временамъ сильно измѣнявшіе его внѣшній обликъ; но эта же исторія показываетъ, что эти отрицательныя вліянія никогда не опускались внутрь народной души и слабо касались ея глубинъ. Небольшая историческая справка легко иллюстрируетъ эту мысль. Такъ, на первыхъ страницахъ нашей исторіи, когда вліяніе иноземныхъ стихій было еще не велико, на челѣ русскаго народа выступаетъ Владиміръ Мономахъ, подлинный выразитель русскаго народнаго духа, умѣвшій какъ то своеобразно, истинно по-русски, совмѣстить въ себѣ одновременно военно-политическую мощь съ самымъ глубокимъ альтруизмомъ чувства: этотъ „братолюбецъ, и нищелюбецъ, и добрый страдалецъ за Русскую землю", по словамъ лѣтописца, умѣлъ, съ одной стороны, заставить трепетать своего имени „вся страны", будучи особенно „страшенъ поганымъ", и въ то же время онъ былъ „жалостивъ и милостивъ паче мѣры". И народъ оцѣнилъ этого близкаго его сердцу человѣка: когда онъ умеръ, его оплакивали не только близкіе ему люди, но „и вси людіе по немъ плакахуся, якоже дѣти по отцю или по матери", а позднѣе, изъ благоговѣнія предъ его именемъ, ни одинъ городъ не рѣшался поднять руки на Володимерово племя. Такъ было въ самомъ началѣ нашей исторіи. Шли вѣка. Казалось бы, что подъ воздѣйствіемъ историческаго прогресса этнографическій типъ русскаго народа будетъ улучшаться и совершенствоваться. Что же оказывается: въ половинѣ XVI вѣка на престолѣ Владиміра Мономаха садится человѣкъ, „въ мастерствѣ софизма не уступающій никакому византійцу, а въ кровожадности— никакому татарину". Народъ снисходительно называетъ его „Грознымъ", а новѣйшіе историки не находятъ словъ въ русскомъ лексиконѣ, чтобы достаточно сильно охарактери-

зовать типъ этого „цѣльнаго, этого художественнаго изверга“. Какъ же это случилось? Загляните въ исторію и тамъ увидите, какъ постепенно, шагъ за шагомъ, русское правдолюбіе Мономаха вытравлялось и замѣнялось византійской софистикой, а его братолюбіе—татарскою кровожадностью.—Но значитъ-ли это, что и вся душа народная извращалась подъ византійско-татарскимъ вліяніемъ? Совсѣмъ нѣтъ. Прошло полвѣка и на русскомъ престолѣ оказался „тишайшій“ Алексѣй Михайловичъ, который по своему братолюбію и милосердію, словомъ, по высокому благородству своей души всецѣло можетъ быть признанъ истиннымъ потомкомъ Владиміра Мономаха. Но вотъ у этого тишайшаго царя является сынъ Петръ. По богатству всевозможныхъ дарованій, по идеализму и самоотверженности стремленій, это истинный былинный богатырь, это настоящій потомокъ Ильи Муромца. И народъ за все его добро, за всѣ благія его дѣянія не задумался назвать его „великимъ“. Но, по волѣ исторіи, этотъ великанъ русскаго народнаго духа, прежде чѣмъ отправляться на свой богатырскій подвигъ, окунулся въ струяхъ нѣмецкаго моря и вышелъ изъ этой ванны съ сильнымъ налетомъ нѣмецкаго капрала. И вотъ народъ, не узнавъ подъ этимъ густымъ иноземнымъ налетомъ своего родного дѣтища, назвалъ его „нѣмцемъ“ и отвернулся отъ него. Когда же изъ посѣянныхъ Петромъ на „Табели о рангахъ“ сѣмянъ стала произростать позднѣйшая бюрократія, то народъ назвалъ ее „крапивнымъ сѣменемъ“, чѣмъ показалъ, что онъ умѣетъ различать пшеницу отъ бурьяна.

Эту небольшую историческую справку можно было бы расширить и углубить; но и сказаннаго достаточно для пониманія существа вытекающаго отсюда вывода.. Подъ вліяніемъ разнаго рода историческихъ воздѣйствій на поверхности народнаго организма могутъ появляться разнаго рода налеты, способные временно измѣнить его внѣшнюю физіономію; но опуститься вглубь народнаго духа они никогда

или почти никогда не могутъ, особенно когда рѣчь идетъ о народѣ великомъ; ибо тамъ, на днѣ народной души, есть своя непроницаемая броня, сквозь которую проникнуть этимъ воздѣйствіямъ очень трудно. Эту непроницаемую броню составляетъ покоящійся въ нѣдрахъ народнаго духа идеалъ, который въ большинствѣ случаевъ не столько сознается, сколько постигается какимъ-то своеобразнымъ художественнымъ чутьемъ. Это чутье и является тѣмъ высшимъ регуляторомъ, который направляетъ жизнь народа въ его историческомъ процессѣ. Подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ этотъ идеалъ, это чутье часто блѣднѣютъ и тускнѣютъ, но радикально они рѣдко измѣняются. Сколько разнаго рода историческихъ обстоятельствъ вліяло на измѣненіе германскаго народнаго типа: тутъ вліяли и воздѣйствіе иноязычныхъ стихій—кельтской, романской, славянской, литовской, и могущественное воздѣйствіе христіанства и возвышенная философія, и общая широкая образованность; но все это оказалось безсильнымъ измѣнить тѣ устои, которые заложены были въ глубинѣ германскаго народнаго духа еще въ эпоху Валгаллы, и поэтому временно уступившій кроткому Христу свирѣпый богъ Одинъ, вырвавшись изъ временнаго плѣна, теперь опять вступилъ въ свои права и заговорилъ своимъ старымъ языкомъ. Точно также и нашъ народный идеалъ, который русскій народъ олицетворилъ въ понятіи о своемъ Богѣ, не смотря на отрицательныя воздѣйствія исторіи, существа своей основы не утратилъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ даетъ о себѣ знать все шире, все глубже. Вѣдь не германская, а русская исторія выдвинула такихъ историческихъ дѣятелей, какъ царь „Благословенный", призывавшій въ идеѣ „священнаго союза" человѣчество построить международныя отношенія на началахъ евангелія, царь „Освободитель", царь „Миротворецъ", наконецъ нынѣ благополучно царствующій Виновникъ мирной гаагской конференціи и пр. Для вдумчиваго историка все это явленія

одного порядка, все это плоды одного дерева, корни котораго питаются соками одного и того же русскаго народнаго духа.

Итакъ, повторяю: высшій идеалъ русскаго человѣка, какъ онъ выразился подъ воздѣйствіемъ христіанства, это есть смиренное подчиненіе грѣховной воли человѣка святѣйшей волѣ Бога, Который есть любовь. Легко понять, что только та философская система въ состояніи будетъ вполнѣ удовлетворить запросамъ души русскаго народа, которая будетъ построена на любви, какъ на высшемъ началѣ жизни, проникающемъ весь строй міроздания. И попытка построенія такой системы у насъ уже сдѣлана. Опытъ построенія такой системы принадлежитъ А. С. Хомякову. Въ противоположность старой нѣмецкой пантеистической системѣ, Хомяковъ строитъ свою систему на началѣ живомъ и личномъ; это начало, это „Сущее", какъ называетъ его Хомяковъ, есть Богъ; а Богъ есть любовь, слѣдовательно существо по преимуществу нравственное. Любовь есть начало всякой активности въ Богѣ, дающей, такъ сказать, направленіе движенію Его воли, Его разума; въ любви по преимуществу выражается внутренняя жизнь Божества, Единаго по существу, но троичнаго въ Лицахъ; въ любви заключается истинная причина (импульсъ) творенія Богомъ міра и въ вѣнцѣ его созданныхъ для блага разумныхъ тварей, закономъ жизни которыхъ поставлена любовь къ Богу и взаимная любовь между собою. Паденіе человѣка было временнымъ торжествомъ въ мірѣ эгоизма; но за то послѣдовавшее потомъ искупленіе рода человѣческаго было новымъ, высочайшимъ проявленіемъ любви Божіей. Спаситель міра съ Его страданіями за людей и крестною смертію есть какъ бы воплотившаяся на землѣ любовь Божія; основанная Имъ Церковь—есть духовный организмъ, жизненную, объединяющую силу котораго составляетъ также любовь, укрѣпляемая благодатію Св. Духа, живущаго въ любовномъ единеніи душъ; сообразно съ этимъ и Церковь опредѣляется какъ

единство въ свободѣ по закону любви. Данная І. Христомъ первая и наибольшая заповѣдь, на которой утверждаются законъ и пророки, есть заповѣдь о любви; сообразно съ этимъ постоянное совершенствованіе въ любви есть высшая и конечная цѣль существованія человѣка, который, двигаемый этимъ святымъ чувствомъ, долженъ и всю свою волю и весь свой разумъ настраивать по строю совершеннѣйшаго Существа—Бога, Который, какъ сказано, есть сама любовь.

Чтобы отчетливо понять значеніе указанныхъ основоположеній міровоззрѣнія Хомякова для нашего времени, необходимо помнить, что, по мысли Хомякова, его философская система должна была замѣнить систему величайшаго изъ нѣмецкихъ философовъ Гегеля. По этой системѣ міръ есть проявленіе абсолютной идеи, которая для своей реализаціи въ каждый отдѣльный историческій моментъ избираетъ свой излюбленный народъ, каковымъ на этотъ разъ объявленъ былъ народъ германскій. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого явилось презрительное отношеніе Гегеля, а затѣмъ и всѣхъ нѣмцевъ къ народамъ другихъ національностей и въ частности къ намъ, славянамъ. Система Гегеля подъ ударами ученой критики уже давно пала; но ея практическіе выводы, подкрѣпленные идеями ницшеанства, и по настоящее время живутъ въ Германіи. Когда императоръ Вильгельмъ, одержимый, очевидно, маніей величія и признающій въ себѣ нѣчто вродѣ воплощенія ницшіанской идеи сверхчеловѣка, съ презрѣніемъ относится не только къ намъ, русскимъ, но даже и къ французамъ и англичанамъ, называя ихъ „дикарями“ и „торгашами“, то онъ, несомнѣнно, сознательно или безсознательно, платитъ дань идеѣ самообожанія, которою въ той или другой степени одержимы и всѣ нѣмцы. Военная мощь, при несомнѣнно блестящихъ успѣхахъ въ области матеріальной культуры, лишь способствуетъ росту этого самообожанія. Ясно, что если человѣчество хочетъ положить предѣлъ этому безпримѣрному въ исторіи националь-

ному эгоизму, этой дьявольской гордости съ ихъ разрушительными дѣйствіями на жизнь другихъ людей, оно должно общими силами поразить этого грубаго исконнаго насильника и отвести доминирующее мѣсто въ культурной жизни тѣмъ народамъ, которые являются носителями другихъ началъ, именно—началъ альтруистическихъ, т. е. людямъ смиренія, состраданія и братскаго доброжелательства.

Мы видѣли, что многіе на Западѣ, ожидая наступленія новой эры въ міровой исторіи, указываютъ на Россію, какъ на непочатый уголъ идеализма и альтруизма. Мы видѣли также, что наше народное самосознаніе не мѣшаетъ намъ вѣрить въ духовную мощь русскаго народа и его правоспособность въ дѣлѣ осуществленія тѣхъ великихъ задачъ, которыя на него возлагаются. Вопросъ лишь въ томъ, хватитъ-ли у насъ, „мягкотѣлыхъ славянъ", достаточно той упругости, той кремнистости, безъ которыхъ проведеніе въ жизнь никакихъ идеаловъ невозможно. Не нужно забывать, что строить дредноуты и сверх-дредноуты и лить чудовищныхъ размѣровъ пушки несравненно легче, чѣмъ обуздывать эгоистически настроенную волю, чѣмъ насаждать любовь и братство на землѣ; объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ исторія нашихъ дней. Итакъ, какъ же быть съ нашею мягкотѣлостью, прямѣе говоря съ нашимъ слабоволіемъ, съ нашею неустойчивостью въ стремленіи къ осуществленію своего идеала, къ достиженію разъ намѣченной цѣли? Чего въ самомъ дѣлѣ стоитъ человѣческій идеализмъ, когда для осуществленія своего идеала человѣкъ не хочетъ или не можетъ, какъ говорится, ударить палецъ о палецъ?

Вопросъ этотъ очень сложный, а поэтому и неизбѣжно трудный для рѣшенія. Но, не задаваясь цѣлью полнаго его рѣшенія, важнѣйшіе моменты въ его рѣшеніи намѣтить можно.

Прежде всего, необходимо замѣтить, что репутацію „мягкотѣлыхъ" славяне несомнѣнно заслужили всѣмъ своимъ

историческимъ прошлымъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что при столкновеніи съ другими народами славяне почти всегда имъ уступали. Пытаясь понять причину этого обстоятельства и останавливаясь надъ уясненіемъ типическихъ особенностей славянскаго племени сравнительно съ германцами, нѣкоторые наши историки утверждали, что въ то время, какъ у германцевъ развито „глубокое чувство личности“, „начало личности у славянъ не существовало“ (Кавелинъ), а гдѣ нѣтъ личности, тамъ нѣтъ и личной воли, тамъ неизбѣжна дряблость, слабоволіе, „мягкотѣлость“. Пусть такое мнѣніе о славянахъ представляетъ дѣйствительность въ преувеличенномъ видѣ; но нѣтъ дыма безъ огня; даже ученые, отрицательно относящіеся къ такой утрировкѣ факта, не отрицаютъ того, что въ общемъ фактъ подмѣченъ вѣрно. Слабое развитіе отдѣльной личности можно было бы наверстать созданіемъ прочной общественной организаціи, т. е. созданіемъ мощной коллективной личности; но тутъ мы встрѣчаемся съ новымъ уже несомнѣннымъ недостаткомъ славянской натуры, именно—съ поголовнымъ почти отсутствіемъ у славянъ способности къ единенію; объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ древнѣйшіе лѣтописцы. „Эти народы, говоритъ Прокопій,—я говорю о славянахъ и антахъ,—не подчиняются одному мужу, а искони живутъ въ народовластіи“. „Народы славянскіе и антскіе, говоритъ императоръ Маврикій, живутъ одинаково и подъ одними обычаями, и такъ дорожатъ свободою, что ихъ никакимъ способомъ нельзя уговорить служить или повиноваться“. Духъ славянской дезорганизаціи прекрасно характеризуетъ и нашъ лѣтописецъ, когда говоритъ: „не бѣ въ нихъ правды и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся“. Неудивительно поэтому, что сила славянская почти всегда никла предъ силою другихъ народовъ, и славяне, въ концѣ концовъ, попадали въ рабство—гдѣ германцамъ, гдѣ татарамъ, гдѣ венгерцамъ, гдѣ туркамъ. А тѣ изъ

нихъ, которымъ сначала удавалось избѣжать этой участи, какъ напримѣръ поляки, послѣ временнаго политическаго расцвѣта, умирали для самобытной политической жизни естественною смертію, разъѣдаемые внутри ядомъ пресловутой „золотой вольности“. Казалось бы, что славянамъ при такихъ условіяхъ придется навсегда отречься отъ самобытной культурно-политической жизни и превратиться въ простой этнографическій матеріалъ для усиленія другихъ народностей. Такъ дѣйствительно смотрѣли и по настоящее время продолжаютъ смотрѣть на славянъ нѣмцы, стараясь оправдать эту свою излюбленную тенденцію научными данными. Такъ, сначала они пытались вычеркнуть имя славянъ изъ списка индо-европейскихъ народовъ, заявляя, что „славяне—народъ восточный и рѣшительно новый, появившійся только въ концѣ V столѣтія въ Европѣ, неизвѣстно откуда и какъ“ (I. Л. Парротъ), а тѣ, которые оказались похрабрѣе, прямо утверждали, что славяне „народъ монгольскаго племени“ (В. Шюцъ). Когда же истинная наука, особенно лингвистика, доказала всю нелѣпость этой тенденціи, нѣмцы ухватились за другую гипотезу: опираясь на данныя краніологіи, они стали дѣлить человѣческія племена на длинно-головыхъ и коротко-головыхъ, объявляя первыхъ народами историческими, культурными, а вторыхъ неисторическими, неспособными къ высшей культурѣ. Само собою разумѣется, что славяне оказались коротко-головыми и слѣдовательно неисторическими, некультурными (Ретціусъ). Но каковъ же былъ конфузъ, когда точныя научныя изысканія показали, что между нѣмцами коротко-головыхъ оказалась не меньше, чѣмъ между славянами, преобладающимъ признакомъ которыхъ явилась среднеголовость. Тѣмъ не менѣе эта неудача нѣмецкихъ ученыхъ нисколько не смутила. Мало того, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось яснѣе, что всѣ эти ученые экскурсы ими дѣлаются только для отвода глазъ, для соблюденія внѣшняго приличія. Истинная же причина старанія нѣмцевъ низвести

славянъ на степень низшей культурной расы коренится не въ преслѣдованіи высшихъ научныхъ интересовъ, а въ простомъ желаніи отыскать рабовъ, руками которыхъ можно было бы обдѣлывать свои дѣлишки. Эта мысль съ циничной беззастѣнчивостью проводится въ статьѣ Карла Ленча, помѣщенной въ августовской книжкѣ журнала Politisch-Antropologische Revue за 1902 г. Сущность этой мысли можно передать въ нѣсколькихъ словахъ. Ростъ населенія въ Германіи требуетъ расширенія территоріи для его обитанія. Такого расширенія можно достигнуть путемъ пріобрѣтенія колоній въ океаническихъ областяхъ внѣевропейскихъ странъ. Но этотъ способъ рѣшенія вопроса во многихъ отношеніяхъ неудобенъ, да и ненуженъ, когда тутъ же, подъ руками, находится огромная и богатая страна, заселенная дикимъ варварскимъ народомъ, который не умѣетъ пользоваться ея богатствами и который поэтому долженъ уступить свое мѣсто народу культурному. Эта страна есть Россія. „Господь Богъ, говоритъ Ленчъ, вручилъ человѣческому роду землю для надлежащаго пользованія и, если какой-нибудь народъ такъ плохо распоряжается, что самъ гибнетъ и губитъ ввѣренную ему землю, то болѣе сильный сосѣдній народъ, для котораго его земля стала слишкомъ тѣсной и который въ состояніи создать на той же почвѣ счастливую жизнь и высокую культуру, нравственно обязанъ исторгнуть владѣніе и господство надъ землею неспособнаго сосѣда", и такая обязанность лежитъ на „каждомъ культурномъ народѣ по отношеніи къ сосѣднимъ варварамъ и дикарямъ". Правда, этотъ благодатный край находится въ рукахъ Россіи, которая именуется „великой державой"; но это названіе одна пустая форма, которая не можетъ закрыть Германіи путь къ россійской равнинѣ, а затѣмъ въ Малую Азію, Сирію, Вавилонію, куда откроется полный доступъ послѣ разгрома Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрный путь къ созданію ***Новой Великой Германіи***. Въ связи съ идеей „Великой Германіи" въ разгоряченномъ во-

ображенiи К. Ленча рисуется и картина новаго общественнаго строя. Современныя условiя культурной жизни требуютъ отъ всякаго народа выдѣленiя изъ своей среды цѣлаго класса людей на тяжелую, рабскую, въ идейномъ отношенiи непроизводительную работу. Ленчъ находитъ преступнымъ принуждать къ такой работѣ германцевъ, людей „благородной расы", когда для этого существуетъ цѣлое море славянъ, самою природою обреченныхъ для этой холопской роли, представляющихъ—де „малоцѣнный человѣческiй матерiалъ", но въ то же время составляющихъ вполнѣ пригодное „слѣпое орудiе" для осуществленiя великихъ культурныхъ замысловъ людей благородной германской расы. Нахожденiе въ сосѣдствѣ съ восточными славянами, этими „прирожденными рабами", ставитъ германцевъ въ исключительно хоршее положенiе. „Для этихъ славянъ—серьезно увѣряетъ Ленчъ—передача въ германское попеченiе было бы сущимъ благодѣянiемъ и полуосвобожденiемъ, такъ какъ среднiй нѣмецъ по своему добродушiю, добросовѣстности и гуманному настроенiю далеко превосходитъ, какъ представителей польскаго дворянства, такъ и русской аристократiи". Предусмотрительный нѣмецъ предупреждаетъ лишь своихъ соотчичей не допускать ассимиляцiю славянъ съ нѣмцами: онѣмечивать славянъ это значитъ дѣлать ихъ людьми, а между тѣмъ интересы благородной германской расы требуютъ оставить ихъ навсегда, „подчиненными рабочими животными".

Указанная точка зрѣнiя наглядно показываетъ, какъ зазнавшiйся эгоизмъ избалованнаго судьбою народа ведетъ къ нацiональному самообольщенiю, нравственной наглости и умственной тупости. Но нельзя не сознаться, что вина за такое направленiе нѣмецкой мысли въ значительной степени падаетъ на нашу славянскую мягкотѣлость. Привыкши искони видѣть въ славянахъ людей уступчивыхъ, податливыхъ, нѣмцы искренно думаютъ, что такъ и всегда будетъ. Избалованные, отуманенные нашею мягкотѣлостью, а нерѣдко и

политическою близорукостью, они не хотятъ понять, куда направляется истинный ходъ исторической эволюціи: они какъ бы не видятъ, какъ въ позднѣйшее время, съ легкой руки Москвы, сначала, мы русскіе, а за нами и другіе славяне мало по малу стали освобождаться отъ своего стараго первороднаго грѣха и выступать на историческую арену въ такой роли, какой раньше никто отъ нихъ не ожидалъ. Современная дѣйствительность особенно ярко показываетъ, что подъ мощнымъ напоромъ мягкотѣлыхъ славянъ начинаютъ гнуться желѣзные полки самихъ жесткотѣлыхъ нѣмцевъ. Ясно, что мягкотѣлость славянъ была лишь историческимъ моментомъ, который, какъ и все въ исторіи, своевременно проходитъ.—Но самымъ сильнымъ показателемъ нашего возрожденія и на этотъ разъ уже не внѣшняго, а внутренняго, служитъ слѣдующій фактъ. Извѣстно, что мы въ теченіе вѣковъ, начиная отъ самой своей колыбели, какъ это засвидѣтельствовалъ еще св. Владиміръ, отравляли себя алкоголемъ, отлично понимали вредоносное значеніе этой пагубной страсти, и тѣмъ не менѣе долго не находили въ себѣ достаточно силы воли, чтобы удержаться отъ этого страшнаго саморазрушенія. Но современная дѣйствительность опять таки свидѣтельствуетъ, что и съ этимъ тяжкимъ грѣхомъ мы можемъ справиться. Этотъ поворотъ является настолько неожиданнымъ, что для многихъ представляется прямо катастрофическимъ. Для истиннаго же историка въ немъ нѣтъ ничего катастрофическаго, потому что историческая наука катастрофъ вообще не признаетъ: какъ наша военно-политическая мощь накоплялась постепенно, проявляясь постепенно въ созиданіи огромнаго государства, такъ и наше теперешнее внутреннее возрожденіе въ разсматриваемомъ отношеніи явилось результатомъ долгаго постепеннаго накопленія моральныхъ силъ, которыя теперь, подъ воздѣйствіемъ вызваннаго обстоятельствами высшаго подъема духа, только вышли изъ своего скрытаго состоянія и проявились во внѣ.

Такъ всегда было въ нашей исторіи, начиная со временъ героическихъ. Нашъ богатырь долго спитъ сномъ непробуднымъ; но когда просыпается и проявляетъ накопившіяся во время сна мощныя силы, онъ творитъ чудеса. И это естественно: огромному тѣлу трудно раскачаться; но разъ оно раскачалось, однимъ взмахомъ оно сдѣлаетъ то, что какому нибудь жалкому микробу не сдѣлать во вѣки вѣковъ. Но для великаго подвига русскому человѣку нужна великая идея. Грубой наживой, мелкой корыстью его не соблазнишь и на подвигъ не поднимешь. Въ этомъ заключается одна изъ особенностей нашего народнаго типа. Но затроньте идеалъ русскаго человѣка, его Бога, его святая святыхъ, о, онъ тогда великъ и въ своемъ величіи страшенъ, ибо онъ идеалистъ. Западной Европѣ извѣстенъ институтъ инквизиціи, которая защищала своего Бога тѣмъ, что возводила людей на костеръ и не безуспѣшно; когда же эту благочестивую операцію, по иноземному образцу, попробовали было примѣнять у насъ, наши старообрядцы не стали дожидаться, а сами массами пошли на костеръ. Не забудемъ, что и Іоаннъ Гуссъ былъ тоже мягкотѣлый славянинъ. Для вдумчиваго историка это кое-что значитъ. Да, за свой идеалъ, за своего Бога русскій народъ, особенно взятый въ массѣ, на все рѣшится. За то безъ вѣры въ благословеніе Божіе онъ ни за что и не возьмется. И если теперь наша кровь льется не даромъ, если Богъ благословитъ наше оружіе, то это будетъ значить, что Онъ благославляетъ насъ и на великій подвигъ христіанскаго просвѣщенія, котораго ждетъ отъ насъ человѣчество. Но при этомъ намъ никогда не нужно забывать, что славянскій Богъ не богъ Валгаллы, не богъ крови и насилія, а Богъ любви, Самъ пролившій кровь для счастья человѣчества. А въ союзѣ съ такимъ Богомъ, побѣдивши царство свирѣпаго Одина съ его Азами, уже можно будетъ приняться за борьбу и съ человѣческимъ эгоизмомъ со всѣми его порожденіями.

Внѣшнія условія нашего существованія этому вполнѣ благопріятствуютъ. Территорія нашей государственной об-

части занимаетъ 1/6 часть всей суши земного шара; на этомъ огромномъ пространствѣ живетъ свыше 170 миліоновъ людей, изъ которыхъ около 40% такихъ, которые не принадлежатъ къ одной съ нами вѣрѣ и народности и которымъ поэтому труднѣе проникнуться тѣми идеалами, носителями которыхъ является русскій народъ. Вотъ та среда, въ которой господствующая русская народность прежде всего должна осуществить свой идеализмъ, свой альтруизмъ, свое братское доброжелательство. И только тогда, когда мы съ этою задачею справимся у себя дома, когда мы своимъ инородцамъ дадимъ почувствовать превосходство своей не матеріальной только культуры, а культуры духа, когда мы побѣдимъ ихъ не своими пушками и пулеметами, а своею христіанскою любовью, своимъ уваженіемъ къ ихъ правамъ, къ ихъ интересамъ, словомъ, когда мы у себя дома докажемъ превосходство своихъ началъ, тогда и только тогда мы въ состояніи будемъ съ полною надеждою на успѣхъ выступить и на міровую арену съ проповѣдью преобразованія человѣческихъ отношеній на новыхъ началахъ. Убѣдившись воочію въ негодности началъ германской культуры, истерзанное ужасами современнаго милитаризма, человѣчество невольно отвернется отъ бога Валгаллы, бога Ницше, и охотно преклонитъ свои колѣна предъ славянскимъ Богомъ, Богомъ мира и любви, а русскій народъ, предоставивъ безвозмездно въ общее пользованіе свои „непочатыя залежи идеализма", послужитъ объектомъ исполненія великихъ словъ мудраго изреченія: „великому кораблю—великое плаваніе". Но для осуществленія этого идеала нужны не самовосхваленіе, не самопревозношеніе, а смиренный самоотверженный подвигъ христіанской любви, того именно братскаго сострадания, которое такъ рѣзко, такъ грубо, такъ чисто по-нѣмецки, осудилъ Фридрихъ Ницше.

Эти строки уже были написаны, когда намъ подвернулся подъ руку текстъ извѣстнаго адреса *англійскихъ пи-*

сателей къ русскимъ, показывающій, что наши чаянія не есть плодъ лишь нашего личнаго воображенія. Отмѣтивъ тотъ фактъ, что русская „литература для англичанъ послѣднихъ двухъ поколѣній“ была „источникомъ неизсякаемаго вдохновенія“, какъ характерную особенность этой литературы англійскіе писатели указываютъ „неизмѣнное тяготѣніе къ *цѣнностямъ духовнымъ въ обходъ матеріальныхъ*“. Признавая вмѣстѣ съ нашими старыми славянофилами, что „матеріалистическая европейская цивилизація обнаруживаетъ лживость своей сердцевины“ и выражая надежду на созданіе „новой лучшей цивилизаціи на развалинахъ той, которая готова рухнуть“, англійскіе писатели вѣрятъ, что Россіи „суждено внести въ эту работу нѣчто свое“. Основаніемъ такой вѣры для англійскихъ писателей служитъ „прежде всего то неизмѣнно присущее духу русскаго народа, *глубоко человѣчное*, что запечатлѣлось въ произведеніяхъ его искусства, литературы и науки“. Полагаемъ, что человѣчность и есть та единственная, настоящая цѣнность, которая должна быть положена въ основу истинно-человѣческой цивилизаціи.

Имѣются въ продажѣ слѣдующія сочиненія того-же автора:

